

13 АВГ 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

УЛИЦА ЕГО ДЕТСТВА

С народным артистом СССР Анатолием Дмитриевичем Папановым мы встречались накануне его отъезда на гастроли. У него в тот день был вечерний спектакль, он только что вернулся со съемок фильма. Но был он в хорошем, рабочем настроении и включиться в начатый нашей газетой разговор «О Москве с надеждой и любовью» согласился сразу же. Прощаясь, мы договорились продолжить работу в октябре, когда театр будет дома. Никто не мог предположить, что это интервью, которое готовилось для сборника «Москва: город и человек» (выйдет в свет в начале будущего года), будет последним.

— Анатолий Дмитриевич, известно, что у каждого есть своя Москва, своя любимая улица, любимый уголок, любимый дом. Что есть ваша Москва, Москва Папанова?

— Усачевка. Старая улица моего детства, где я жил с семилетнего возраста. Сейчас в том районе проходит многоэтажный Комсомольский проспект, взлетает на Ленинские горы метромост. А тогда стояли небольшие деревянные домики, были пруды, где мы пацанами ловили карасей, купались, катались зимой на коньках.

У улицы моего детства был свой запах — запах свежеевпеченного хлеба. Наш дом находился недалеко от хлебозавода, и моя мама работала там рабочей.

В войну, в госпитале под Махачкалой, я ночью иногда просыпался оттого, что вдруг начинал пронзительно ощущать этот запах, и так щемило сердце, так страстно хотелось увидеть свой двор, старую церковь возле него. В церкви была школьная столовая, и нас, ребятшек, поили там компотом.

На фронте я был недолго, всего несколько месяцев. Меня серьезно ранило в ногу, и я был отправлен в глубокий тыл, в госпиталь. Но служил я в пехоте. И это, наверное, дает мне право говорить, что я видел и знаю войну. Пехота принимала на себя самый огонь. Слова «музыка боя» для кого-то звучат как изысканно-красивый оборот, мы же в эти слова вкладывали совершенно иной смысл. По звуку летящего снаряда определяли, где он сядет, заденет ли тебя. Страшная это была музыкальная грамота, грамота, постигаемая нами в окопах.

После госпиталя меня комиссовали. Я вернулся в Москву и поразился тому, какая она стала: собранная, немногочисленная, строгая.

В октябре 1942 года я, бывший пехотинец Юго-Западного фронта, поступил на актерский факультет Государственного института театрального искусства. Поступил легко, парней тогда среди абитуриентов было мало. Да и как к бывшему фронтовику ко мне было особое отношение.

— ГИТИС — один из старейших московских вузов. Кого из своих учителей вы сейчас вспоминаете особенно часто? Чьим учеником себя считаете?

— Учителей у меня было много, и не только среди преподавателей института. Знаете, как говорил Юрий Завадский: «Учитель не тот, кто тебя учит, а тот, у кого ты учишься». Так вот, я еще школьником посмотрел все мхатовские спектакли и первые уроки получил у актеров старой мхатовской школы. Особенно восхищал меня Николай Павлович Хмелев.

Подростком я учился в театральной студии при клубе завода «Научук». Руководил студией актер-вахтанговец В. Куза, также замечательный человек и большой мастер. В годы войны я узнал, что погиб он от бомбежки, прямо в здании своего родного Вахтанговского театра.

Художественным руководителем ГИТИСа во времена моего студенчества был народный артист СССР Михаил Михайлович Тарханов, руководителями курса — артисты и режиссеры Московского художественного театра Мария Николаевна и Василий Александрович Орловы. О, что это были за люди! Они служили искусству. Служили в самом высоком значении этого слова. Их взаимоотношения, их помыслы были одухотворенными, бескорыстными, высокими. Они не придавали такого значения, какое сейчас придают мои коллеги-сверстники и молодое пополнение актеров, внешним почестям, бытовым благам.

Наверное, сейчас иной ритм жизни, иная система взаимоотношений.

— И что-то важное, дорогое для вас в этой системе утратилось?

— Да, безусловно, да. Меня, например, огорчает, что у многих, даже коренных москвичей исчезло ощущение своего города. Раньше москвичи жили дворами. И в каждом дворе были свой микроклимат, свой мир, своя мораль. В основе своей очень добрая, здоровая мораль. В каждом дворе жил свой чудак, один выращивал розы, другой разводил пчел, и ребяташки вились вокруг него стайкой.

Сейчас дворы исчезают, а с ними очень многое уходит из детской жизни. Мои внучки растут в домах-башнях, и я волнуюсь за них, так далеки они от земли, что привяжет их к дому?

Сегодня в Москве очень мало зелени. Мы вырубили полностью Садовое кольцо, сильно разрушили Бульварное. Я помню, третьеклассниками возле школы мы сажали аллею лип. К нам в школу приезжала Надежда Константиновна Крупская, радовалась вместе с нами тому, что украсили мы город. Недавно бродил я по тому переулку и увидел: все деревья вырублены. Кому они мешали, липы моего детства!

А как мы, московские пацаны, любили кино! Как подражали его героям! Кино формировало наши вкусы, привычки, характеры. Когда я сегодня слышу разговоры о том, что искусство не может значительно влиять на мировоззрение зрителя, слушателя, то не верю этим разговорам. И вы не верьте. Может! Это я вам как бывший фронтовик заявляю. Помню, каким событием было для бойцов первое знакомство с Василием Теркиным! А с каким нетерпением мы в госпитале ждали выступления артистов! Искусство вселяло в нас веру в Победу, дарило, пусть минутное, душевное успокоение, залечивало раны.

Залечивало иногда в буквальном смысле слова. Помню военный госпиталь. Коридор, заставленный кроватями. И громкий, словно пытающийся скрыть неумную радость голос Лидии Руслановой. «Валенки, валенки...» Пластинку ставят несколько раз. Мы знаем, что ставят ее по просьбе оперируемого бойца. Ему надо было ампутировать ногу, а анестезирующих средств в госпитале не осталось, он согласился на операцию без наркоза. Попросил только: «Поставьте «Валенки».

С тех пор, как слышу эту песню, глаза ведут себя предательски... Мне очень жаль, что с нашей эстрады ухо-

дит народная песня, что редко звучит она с экранов телевизоров. Голубой экран, по-моему, заполонили рок-ритмы. Меня это тревожит. Тревожит, что растут дети, которые не знают бабушкиных сказок.

Все начинается с истоков. Если ребенок с детства слышит только громкую, немелодичную музыку, что-то в его мировосприятии будет нарушено.

Я понимаю, я разделяю боль, которая звучит в произведениях наших писателей, традиционно называемых деревенщиками. — Валентина Распутина, Федора Абрамова, Евгения Носова, Виктора Астафьева. Театры нередко обращаются к инсценировкам повестей этих писателей. Но, признаться, я помню мало удачных постановок.

— А если говорить о ваших самых сильных зрительских впечатлениях последних лет, работы каких театров вы бы назвали?

— Вам не понравится мой ответ. Сильных потрясений, ощущений, что все в этом спектакле выполнено на самом высшем уровне, в последнее время из театров я не выносил. Правда, я не видел спектакль «Дом» по произведению Федора Абрамова в постановке Ленинградского молодежного театра. Отзывы о нем слышал самые высокие.

А то, что удавалось видеть мне, все было чуть-чуть, да недотянуто, пусть малость, да недоработано. Да и драматургия зачастую минутная, неинтересна. Может быть, я чересчур требователен, не знаю.

Я люблю психологический театр, люблю, когда со сцены звучит старая московская речь. Сегодня такую речь услышишь разве у старых актеров Малого театра. В остальных же театрах дикция у актеров неряшливая, они плохо говорят, плохо передвигаются по сцене. Меня это печалит. Это значит, что актеры не владеют самыми азами своей профессии. И поэтому я очень настороженно отношусь к постановкам, в которых главенствуют изысканные режиссерские трюки, шумят вертящиеся колеса, трещат выстрелы.

— А каким вы видите со сцены московского зрителя?

— Знаете, лет тридцать назад зритель был более доверчив, открыт, более отзывчив на твое лицедейство. Сейчас он сдержаннее. Я стараюсь при самых неожиданных реакциях зрительного зала не отступать от своей сверхзадачи, сосредоточиваться на внутренней жизни героя, никогда не «жаты» на смеховые реакции.

А вообще зритель, он разный. Разный он даже в разные дни недели. Самый добродушный в субботу, построже в воскресенье, особенно строгий в будни.

— А каким зрительским откликом вы наиболее дорожите? Интересна ли поступающая к вам почта?

— Самый дорогой для меня зрительский отклик — это отклик зрителя и автора поэмы, по которой был поставлен спектакль, отклик Александра Твардовского. А говорю я о спектакле «Теркин на том свете», поставленном театром в шестидесятые годы. Этот спектакль недолго держался в репертуаре. Но для меня он особенно дорог. Этой работой театр как бы заявлял свою гражданскую позицию, одобрял курс, принятый партией после XX съезда.

Я играл в этом спектакле Василия Теркина. После спектакля Александр Трифонович зашел за кулисы и крепко пожал мне руку.

Досадно, что сегодня, когда страной взят столь решительный курс на перестройку внутренней жизни, театры, и наш Театр сатиры в том числе, не радуют зрителей постановками, достойными времени, в которое живем. Театры сегодня уступают газетам, публицистике по остроте поднимаемых проблем, по глубине вмешательства в жизнь.

Что же касается вашего вопроса о почте, то после театральных спектаклей писем приходит мало. Письма пишет кинозритель. Особенно большой поток писем был после фильмов «Живые и мертвые», «Белорусский вокзал». Мне дороги эти письма, как дороги и роли в этих фильмах. Мне давно хотелось сказать свое слово о нашем поколении, родившемся в двадцатые и почти полностью выбитом войной, поколении, перед которым все мы в неоплатном долгу.

Тронуло меня письмо девочки-школьницы. Она писала: «Мой папа тоже бухгалтер, и я всегда стеснялась того, что он бухгалтер. Хотя я знала, что он очень честный, хороший человек и, как герой фильма «Белорусский вокзал», бывший фронтовик. Сейчас я посмотрела ваш фильм, и мне стало стыдно за себя. Я теперь всегда буду гордиться профессией своего отца».

— Анатолий Дмитриевич, конечно, огромную зрительскую популярность принес вам кинематограф. Но вы-то сами считаете себя театральным актером. И вот уже почти сорок лет работаете в одном театре. Признаемся, по нынешним временам такое постоянство в актерском цехе редкость...

— А я же говорил, что я старомоден. Я убежден: у человека должна быть одна Родина, одна семья, один дом, одна работа. Один театр. Вы думаете, мне всегда было сладко в своем театре? Не было сладко. Первые двенадцать лет было просто трудно. Я даже всерьез подумывал, верно ли я избрал профессию. Да и потом мне все давалось самым напряженным трудом. Я никогда не просыпался сразу знаменитым, у меня не было случайных для меня успехов.

Приглашали ли меня в другие театры? Приглашали. И в более именитые, более престижные. Но это было не изменой своему дому, своим товарищам, в какой-то степени своему делу, и потому я не уйду, работаю.

Любовь к родному городу, к Родине начинается с любви к своей улице, с преданности своему театру. Звучит это, может быть, банально, но ведь это так, вы согласны со мной?

Вела беседу
Л. КОНОНОВА.

163